

SOFT POWER — ЭТО ПО-РУССКИ?

По следам конференции в Москве

Глеб Павловский

Глеб Павловский — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала»

Конференция «Что думает Россия?» прошла в Москве с 28 июня по 3 июля 2009. Правильный перевод ее темы значил бы — *чем и как Россия воздействует на мир? В чем ее новый опыт — и как она его мыслит?* Томас Грэм прокомментировал ее так, что он-то давно знает Россию, а вот прочим на Западе не лишне было б ее узнать. Похоже, такой же видит проблему и президент США Барак Обама. Интеллектуал, политик тонко чувствующий проблемы, он не видит иных проблем «включения России в мир», кроме накопленных нами «архаичных комплексов». Отчего так?

Россию принято считать страшно трудной для понимания извне. Классика жанра — слова Черчилля о «России-загадке, обернутой в тайну» (Собственно говоря, Черчилль невольно описал принцип обычной *матрешки*). На деле все обстоит противоположным образом: трудность внешнего знания о России лежит в нашей неготовности к *самоописанию*. Прояснить Россию — это наша, а не чья-то чужая задача. Это *нам* важно, чтобы нас понимали, ведь каждый в мире зависит от взаимодействия с дру-

гими. И это у нас не найден политический нарратив понимания новой мировой России. А позорные речи о нашей якобы «невыразимой уникальности» — речь двоечников, увертка от не-проделанной теоретической критики реального опыта — заимствуются на Западе, как уловка неинформированности.

Кольцо замыкается — неинформированная о себе Россия доступна любому произволу дезинформаторов. Парадокс — глобальная неинформированность о России нарастает, синхронно возвращению России в мир. «Матрешки Черчилля» импортируются из Москвы, а русофобу остается лишь подписать к ней кляксы.

Но и Запад ставляет свои одноразовые клише-поделки: soft power одна из них. В отличие от русских поделок, западные удобны и практичны. Не вдаваясь в критику идеи soft power, стоит заметить, что изначально это разработка-апгрейд к собственно внутриамериканским дебатам по внешней политике. «Гибкая» или «мягкая власть» полагается присущей США, и с некоторым трудом признается даже за близкородственным Евросоюзом. В сущности, речь идет просто-напросто о *глобальной влиятельности* держав, всегда считавшейся важным рычагом их политики. (Инструмент привлекательной власти — изучен со времен Фукидида). Но то, что в отношении других президент Обама называет «архаичными представлениями о влиянии», относительно Америки мы должны признавать в качестве великого и ужасного soft power. *Soft power — это своего рода «теория уникальности США».*

Приступив к работе в дни институциональной разрухи и падения всех индексов влиятельности, включая экономические, Обама действует, почти целиком

полагаясь на этот невесомый ресурс влиятельнейшей страны мира. О его избрании было сказано: «чудо!».. И вот, **президент Обама развозит «чудо Обамы» по миру. Ведь ему нечего больше предложить.** Оставим в стороне вопрос веры — действительно ли Обама чудо, а его речь в Москве является «исторической»? Речи бывают историческими лишь задним числом. А вот Путин — как часть *российской soft power* является фактором гибкой власти уже теперь — это актуально. И студенты либеральнейшей РЭШ, выслушав Обаму с очень вежливым нетерпением, это хорошо показали.

Это была конференция об опыте России рубежа тысячелетий — двадцатилетия между двумя кризисами, 1989 и 2009. Первый из них — кризис 1989 г. — оказался самым «глупым» из всех предшествующих кризисов. Глобальные кризисы прошлого сопровождались интеллектуальными вспышками, за каждым шла мощная культурная аура. Кризис 1989—91 гг. стал полным убожеством. Из него вышли с «клинто-нианской» верой — верой, что *знаем, как надо!* Хотя одним из имен новой узколобости был «вашингтонский консенсус» — моноцентричный мир выдумали не в Вашингтоне. Он состоялся в умах последнего двадцатилетия раньше, чем возник в реальности. И для Запада это был мир самоочевидной ясности.

Многие из участников конференции недопонимали, откуда этот «абстрактный» для них русский разговор о ценностях? Ведь что такое для нас ценность безопасности? Это возможность жизни в защищенном пространстве, возможность *производящей свободы*. Запад и Европа выстроили свой безопасный космос, в котором они могут почти не говорить о безопасности — та под-

разумеается, а вот давайте-ка расскажите нам о свободе! Интересно, что в западной терминологии для нашей заботы нет ценностных оснований. «Пока вы не завоевали безопасность и вам нужно ради нее мобилизовать большинство — вы под сомнением!» — вот что нам говорят. «Пока вы вынуждены твердить о безопасности, вы — временщики, если не «мировые хулиганы» (слова Дэвида Сэттера)».

Хулиганством называют импровизирующую креативность русского кризисного мышления. Пока импровизации остаются недосказанными, наша политика безязыка в своей двадцатилетней креативной безудержности. Нам давно пора подвергнуть критике этот опыт, хотя бы потому, что он имеет значение не только для нас. Собственно говоря, этот момент был центральным на конференции — ее участники не пытались спрятать концы. Ключ к посткризисному будущему — в критике опыта межкризисного двадцатилетия.

Опыт есть у каждого, но он никогда не обсуждался. Вот и Обама явно считает свой опыт того же двадцатилетия — исчерпывающим, как и мы. В последнее межкризисное двадцатилетие —

от кризиса 1989-1991 гг. до кризиса 2008-2009 гг. — считалось, что проблема «как кто мыслит» осталась в темном тоталитарном прошлом, когда все почему-то мыслили по-разному и из-за этого конфликтовали вместо того чтобы потреблять. А теперь якобы нет больше такой проблемы. Но тогда мы опять погружаемся в царство недоговорок. Самая важная недоговорка упакована в дружеские призывы Обамы. Он приглашает Россию вместе с Америкой отразить угрозы будущего — не предлагая делиться будущими благами. Россия призвана защитить мир от «иранской угрозы» и Талибана, плечом к плечу... Но «союзник» не обещает передать ради этого никаких боевых технологий. Мы должны по-братски сократить вредные выбросы в атмосферу... Но приложены ли к задаче передовые американские ноу-хау с инвестициями? Итак, русских опять зовут воевать на дальние рубежи цивилизации — не приглашая к пирам ее и дарам!

Давайте различать фактор Обамы — и Обаму-человека в должности президента США. Фактор обещает больше, чем должность, и тем более, чем страна. Америка сыграла колос-

сальную роль в строительстве современного мира, в таких делах, как строительство международных институтов, объединение Европы и отстаивание принципа свободы. Ценности Америки нашли свое признание и воплощение — в той степени, в какой они являются универсальными. Когда ценности признаются, их проводник утрачивает монополию и перестает быть лидером. Не думаю, что ценностям свободы что-либо угрожает при исчезновении американского лидерства. *Победитель всегда теряет монополию.*

Обама может сделать нечто невозможное — освобождая мировую сцену от старой Америки, и по ходу пересоздавая ее. Для этого не обязательно быть идеалистом, это «высокохеджированная» политика. **Америка в посткризисном мире — новичок, среди других мировых новичков.** А у России появляются свои лидерские права в мировых вопросах. Мы достойны большего чем политика улыбок — *политики новых мировых сил с решающим голосом.* Для этого мы сами должны понять основания своей силы, и научиться мыслить Россию в мировых величинах и критически проработанном языке. ■